

Под сенью ночи, деревня Байхэ у подножия горы, была окутана мелким дождем, словно вуалью из серебряных нитей. Огни фонарей, отражаясь в мокрых переулках, вымощенных синеватым камнем, сливались в мерцающую гирлянду, наполняя округу тихим очарованием, присущим лишь речным землям Цзяннани.

Лян Шу сидел за столом, закрыв глаза, вслушиваясь в шелест дождя за окном. Еда перед ним оставалась нетронутой.

Видя, что блюда вот-вот остынут, генерал-адъютант поневоле прочистил горло:

— Ваша светлость...

— Уберите.

Генерал-адъютант: «.....».

Его звали Гао Линь. С малых лет он рос в северо-западном военном лагере, с десяти лет ходил в бой, не раз смотрел смерти в лицо. Теперь, когда он уже заслужил чины и почести, но так и не увидел широкого мира за пределами Ячэна. Поэтому Лян Шу специально взял его с собой в шумную столицу. Изначально намерения были благими — но кто бы мог подумать, что на полпути всплывёт дело о свадьбе?

Спустя время Лян Шу открыл глаза и спросил:

— Долго ещё будешь на меня пялиться?

Взгляд Гао Линя по-прежнему был прикован к лицу Лян Шу. Он и сам недоумевал: даже если отбросить титулы и военные заслуги, как можно, имея такую внешность, столкнуться с невестой, которая готова скорее покончить с собой, чем выйти замуж? В душе хлопотали слова, которые нельзя было высказать. У этой барышни Лю и глаз-то нет! Не хочешь замуж — так и скажи, зачем же идти в чайную, рыдать и жаловаться на судьбу? Теперь вот — князь и есть не может, и пить не хочет.

Размышляя так, он нарочито понизил голос, изображая заботу:

— Ну вот, будь я девушкой, ни за что бы не отказалась выйти за вашу светлость.

Веко Лян Шу едва заметно дёрнулось. Он поднял голову, а Гао Линь, как по сговору, тут же принял томно-трогательную позу. Пляшущие тени свечей окутывали его фигуру. Лян Шу какое-то время смотрел на него, чувствуя приближение головной боли:

— Впредь держись от меня подальше.

Гао Линь сухо хихикнул:

— Тогда пусть ваша светлость хоть пару кусочков попробует. Эта утка с османтусом — ничего так. Я уйду, как только поем.

Лян Шу скользнул взглядом по жирной утке на столе, но аппетит так и не появился. В этот момент в дверь постучали и посыльный передал письмо, подписанное полумесяцем — Чэн Суюэ.

Она была приёмной сестрой Гао Линя, родилась и выросла в военном лагере. В детстве она никогда не обращала внимания на красоту, была дикаркой, привыкшей валяться в грязи. В военное время скакала на коне, в мирное — вела счета, умела готовить и лечить, но книг читала мало и учёностью не блистала. Гао Линь в недоумении развернул письмо:

— Вместо того чтобы спешить в Байхэ, взяла да написала послание, словно какая-то учёная девица... Чего!!!! Похитили?!

Чэн Суюэ написала это письмо так, будто была хрупкой барышней, рыдающей о том, что её похитила шайка разбойников, когда она проезжала мимо гор Фуху. Получив письмо, старший брат и третий юноша должны немедленно привезти золото и лично выкупить её без промедления.

Гао Линь не мог взять в толк: если эти люди сумели похитить А-Юэ, значит, они весьма искусны — но кто же они такие? Да и лагерь их расположен на горе Фуху, которая представляет собой восемнадцать опасных пиков, окружённых густой зеленью, где древние деревья пронзают небо, а обезьяны, раскачивающиеся на лианах, целыми днями отбрасывают призрачные тени. В дождь даже камни покрываются плесенью. Кто сможет жить там и оставаться сытым?

Лян Шу сказал:

— Эта шайка, ей не соперники.

— А? — Гао Линь замер, перечитывая письмо и ощущая странный подтекст. Если бы её и вправду похитили, зачем упоминать, что «третий юноша» должен отправиться вместе с ним?

Значит, здесь что-то не так. Судя по прошлым выходкам Чэн Суюэ, разве что небо обрушится на землю — только тогда она побеспокоит Лян Шу. Но что в глазах барышни Чэн считается катастрофой? Нападение клана Волков на Чуньфэн — не в счёт, голод в Юймэне — не в счёт, разлив реки Байлун — не в счёт. Со всеми этими бедами она разбиралась сама, не тревожа князя.

Какие же тайны скрывают горы Фуху, что они важнее чужеземцев, голода и наводнений?

Размышляя об этом, Гао Линь не мог сдержать любопытства и осторожно спросил:

— Когда ваша светлость планирует выступить?

— Завтра.

— Завтра? — Гао Линь замер. — Но деревня Байхэ... император повелел: даже если с неба польются ножи, свадьба вашей светлости не должна быть отложена.

— Ступай сейчас же и передай господину Лю, что этот князь разберётся с текущими делами, и нанесёт визит. Кстати, что это за человек был сегодня в чайной?

— Лю Сяньань, старший брат барышни Лю. — ответил Гао Линь. — Репутация у него... громкая. Весь народ над ним смеётся: мол, скорее в озере утонет, чем лишнюю страницу книги перепишет. Если разобраться, ваша светлость тоже пострадал из-за него, приехав в Байхэ.

Лян Шу кивнул:

— Возьми его с собой.

— Взять? Зачем? — Гао Линь недоумевал. Хотя он и считал Лю Сяньаня странным, поведение его было чудаковатым, а взгляды — сомнительными, но всё же он был родным сыном Лю Фушу. Потому он осторожно намекнул князю, что без веской причины будет трудно забрать молодого господина из Байхэ. Да и из-за личной обиды таскать человека за собой, как тряпичную куклу, — может, не стоит?

— Скажи, что этот князь хочет узнать о барышне Лю побольше. — махнул рукой Лян Шу. — Ладно, ступай и возвращайся поскорее.

Гао Линь: «.....».

Хотя отговорка звучала сносно, Гао Линь понимал: по замыслу князя, это действие не имело ничего общего с «желанием узнать о барышне Лю», зато напрямую было связано со словами Лю Сяньаня «скорее в озере утону». Гао Линь знал, как император ценит семью Лю, и не хотел лишнего шума, но переубедить князя было невозможно. В конце концов, он с тяжёлым вздохом отправился в Байхэ, размышляя: если доктор Лю искренне любит сына и не хочет с ним расставаться, стоит тому лишь воспротивиться — и всё можно будет изменить.

Каково же было его удивление, когда Лю Фушу, выслушав историю, без колебаний согласился и велел привести второго юношу из павильона у воды. Увидев, что того уже собираются немедленно отправить в гостиницу, Гао Линь поспешно встал, уговаривая не торопиться.

— Тогда решено. — Лю Фушу с искренним взглядом сжал руку Гао Линя. — Он уедет завтра утром, а?

— Эх... - сглотнул опешивший Гао Линь.

Все в семье Лю были такими. Та, что должна выйти за князя, — не хочет; сына, которого следует удержать, — отправляют. Каждый ход в этой игре выходил за рамки предсказаний генерала Гао. Неужели такова разница между людьми Цзянху и военными?

В задних покоях Лю Наньюань, услышав о происходящем, сразу же побежала во двор второго брата, чтобы обсудить, как использовать эту возможность для срыва свадьбы.

— Несложно. — Лю Сяньань раскрыл веер и помахал им перед вспотевшей сестрой. — Какого человека он любит — скажу, что ты полная противоположность. Кроме внешности, что в твоём характере нельзя изменить?

Лю Наньюань сочла метод достойным.

Лю Сяньань задал ещё один вопрос:

— Скажи, раз ты не хочешь за князя, то за кого тогда?

— Мне нравятся нежные черты, улыбчивые губы, высокий и стройный стан, светлая кожа. - не задумываясь выпалила она - А еще он должен быть слабым, с больным желудком и кашлять от легкого порыва ветра... Ты чему ухмыляешься?!

— Не ухмыляюсь. — С глазами, полными весеннего тепла, стукнул её рукоятью веера по голове, Лю Сяньань. — Не волнуйся, я уж точно позабочусь, чтобы ты вышла за достойного.

— Договорились!

Лю Наньюань хлопнула его по руке в знак согласия и таким образом вручила своё будущее второму брату, известному всей стране своей беспечностью.

После ухода Лю Наньюань, Лю Сяньань поднялся с любимого мягкого ложа и велел слугам собрать вещи. Насчёт поездки в горы Фуху у него не было возражений. Раньше он не хотел выезжать, потому что не видел в этом нужды, но теперь, когда появился законный повод, почему бы и нет?

По сравнению с ним, матушка Лю отреагировала куда эмоциональнее. С одной стороны, как и муж, она надеялась, что сын наконец выберется из дома вместо того, чтобы целыми днями валяться. Но с другой — горы Фуху были опасным и труднопроходимым местом. Даже если его

будут сопровождать императорские солдаты, она всё равно не перестанет волноваться. Потому она в спешке собрала целый отряд, приказав им заботиться о втором юноше.

— Матушка, не тревожься, я знаю, что делать. — успокоил ее Лю Сяньань.

— Помоги не только А-Юань, но и сохрани лицо императорской семьи. Не переусердствуй. От отца я слышала, что с его высочеством непросто ладить, потому в пути будь осторожен и не вступай с ним в конфликты.

Лю Сяньань раз за разом соглашался, а проводив матушку в покои, отправился выслушать наставления отца. Затем он зевнул и вернулся в свой павильон у воды, умылся и заснул.

Остальные в Байхэ не спали. Телеги скрипели почти всю ночь, перевозя всевозможные вещи, необходимые для путешествия. Хотя в сердце второго юноши Лю истинный путь — не есть пищу, а насыщаться росой и ветром, оседлав солнце и луну, но до бессмертия он ещё не дорос и обходиться без еды не мог.

На самом деле, не только в Байхэ. Отъезд Лю Сяньаня был редким событием для горожан, потому все с раннего утра выстроились вдоль улицы, чтобы посмотреть на зрелище. Кое-кто даже начал аплодировать. Поднялся такой шум, что даже в гостинице задребезжали окна.

— Что происходит? — нахмурился Лян Шу, услышав возгласы, доносящиеся с улицы.

— Докладываю вашей светлости: ничего особенного. Второй юноша Лю у ворот гостиницы. Прикажете впустить?

Лян Шу неспешно поднялся с постели и стал одеваться:

— Не нужно.

Гао Линь поперхнулся. Почему «не нужно»? Выходит, они специально выжидают, чтобы напасть на человека перед самым отъездом?

Проходя мимо окна, Лян Шу мельком взглянул на улицу и увидел как минимум семнадцать-восемнадцать повозок, выстроившихся в ряд. Вместе с охраной и слугами процессия растянулась на три-четыре перекрёстка.

«.....».

Гао Линь поспешил объяснить:

— Я слышал, что второй юноша Лю привык к роскоши. Раз уж он отправляется в дальний путь и не знает, что мы едем в логово разбойников, вполне нормально взять побольше слуг.

— Отошли их прочь. - помрачнел Лян Шу.

Гао Линь принял приказ и спустился вниз, чтобы поговорить с управляющим Байхэ. Он не упомянул о разбойниках, а лишь сказал, что князь не хочет беспокоить народ по пути, потому приказал быть поскромнее и не выставлять напоказ богатство.

Управляющий выглядел озадаченным и не знал, что ответить, но из соседней повозки раздался голос:

— Не беда. Дядя Чжун, заberi людей обратно, оставь только А-Нина.

— Не волнуйтесь, юноша Лю, раз с нами его высочество, в пути не случится никаких неприятностей. - тут же успокоил собравшихся Гао Линь.

(Потому что сам князь — главная неприятность.)

Он проглотил вторую половину фразы и, с помощью уговоров и небольшого обмана, наконец отправил процессию из Байхэ обратно, оставив только повозку Лю Сяньяня.

А Лян Шу всё ещё не спускался.

Гао Линь недоумевал: что может занимать так много времени? Он поднялся на второй этаж и обнаружил, что князь ещё не закончил переодеваться.

Лян Шу стоял с расстёгнутым воротом посреди спальни, широко раскинув руки,. Слуги суетились вокруг. Парча на нём переливалась, воротник был расшит узорами, а пуговицы инкрустированы белым нефритом. Видно было, что он одевался с помпой, словно готовился к встрече с невестой.

— Ваша светлость, мы же не в Байхэ едем, верно? - не понимая, к чему такая церемония, спросил Гао Линь.

— Нет. Я одеваюсь для тех, кто за дверью. — лениво поднял подбородок Лян Шу. — Хоть в Байхэ я не попаду, этот князь всё же тоскует, а потому выражает чувства через одеяние, дабы утешить сердце.

Гао Линь: «.....».

Люди за дверью были присланы Лян Юем. Обычно императоры подсылали шпионов к влиятельным сановникам втайне, но Лян Юй действовал наоборот. Он открыто использовал этих бравых мужчин, чтобы раз за разом предупреждать брата: «Посмей ослушаться — и я переломаю тебе ноги, когда вернёшься». Прямо и без обиняков.

Лян Шу поправил одежду, выпил ещё чашку чая и только тогда неспешно спустился, заложив руки за спину.

На улице еще толпились люди. Раз уж делать нечего, почему бы не погреться тут на солнышке? Были и смелые девушки, ждавшие, когда второй юноша Лю выйдет из повозки, но вместо него появился третий князь.

Разумеется, паяться на князя бесцеремонно было нельзя. Одна из девушек поспешно склонила голову в поклоне. Лицо её пылало, сердце бешено колотилось, а в голове стояла картина: Лян Шу, спускающийся по ступеням. Против света его лицо разглядеть не удалось, она лишь мельком заметила узоры на рукавах, роскошные, словно тысяча цветов, ослепительные и внушающие трепет.

Заставив Лю Сяньаня ждать у ворот гостиницы целый час, Лян Шу слегка развеял тоску. Он подошёл к повозке и откинул занавеску:

— Ты...

Но слова застряли в горле, потому что Лю Сяньань не ждал, а мирно спал, удобно устроившись на подушке, подперев голову рукой. В уголках его губ играла лёгкая улыбка, будто ему снилось что-то приятное, и, кажется, он был готов прождать ещё часа три-четыре.

Лян Шу опустил занавеску и громко стукнул рукоятью меча по дверце.

Бам!

Окружающие вздрогнули, и Лю Сяньань в повозке, естественно, тоже. Сердце его бешено забило, он выпрямился, в глазах мелькнуло недоумение. Из-за плотных занавесок внутрь проникал лишь скудный свет. В воздухе медленно кружились пылинки, вокруг стояла полная тишина.

На основании этого он заключил, что люди в гостинице ещё не готовы, иначе солдаты не вели бы себя так тихо.

Наверное, это был всего лишь досадный сон.

Второй юноша Лю сменил позу, закрыл глаза и снова заснул.

Те, кто находился за пределами повозки, остолбенели.

Он что, не проснулся? Или проснулся, но просто отказался выходить?

Видя этот вопиющий инцидент, слуга Лю Сяньаня забеспокоился. Он хотел было разбудить молодого господина, но князь всё ещё стоял у повозки, потому он мог лишь умоляюще смотреть на генерала Гао.

Гао Линь понизил голос:

— Что задумал ваш молодой господин?

— Ничего он не задумал, — поспешно ответил слуга. — Просто наш молодой господин любит поспать. Даже гром не разбудит. Нужно хорошенько его встряхнуть.

Гао Линь всё ещё размышлял, как сгладить ситуацию, но Лян Шу уже шагнул вперёд и, согнувшись, вошёл в повозку.

Всё сразу стало ещё страннее.

Слуга растерянно пробормотал:

— Почему князь вошёл? Тогда я... мне ещё нужно прислуживать молодому господину?

У Гао Линя разболелась голова. Он велел отправить слугу в другое место, а сам верхом подъехал к повозке Лю Сяньаня.

— Кхм-кхм-кхм.

Окружающие старались не шуметь, пока князь «беседовал».

Лю Сяньань спал безмятежно.

Его свободный дух бродил по бескрайним просторам.

И он не подозревал, что в повозке теперь на одного человека больше.

<http://bllate.org/book/14628/1297845>